

ЗОЩЕНКО ЖИЛ. ЗОЩЕНКО ЖИВ! ЗОЩЕНКО БУДЕТ ЖИТЬ?

О неизвестных фактах из жизни писателя рассказывает петербурженка Зоя Томашевская

Веселый человек с печальными глазами

Музей приравняли к сортиру

- Зоя Борисовна, по дороге к вам я специально заглянул в книжный магазин. Обежал глазами прилавки. Зоценко нет. Начал приглядываться более внимательно. Нету! Спросил продавщицу, и она откуда-то извлекла неприметный том «Голубой книги» и объяснила: «Не спрашивают». И еще. Насколько мне известно, Зоценко в школе не изучают. Как вы думаете, почему?

- Это все легко объяснить. До сих пор считается, что Зоценко - враг народа. Что он оклеветал бедный советский народ, издевался над ним. Он не издевался! Он любил народ, любил свою Родину. Это был человек, который никого никогда не предал, никому никогда не сделал больно. И я совершенно убежденно могу сказать, что Зоценко был самый добрый советский писатель. Это вообще был человек, о котором можно говорить только в превосходной степени. Умнейший, благороднейший, честнейший и так далее.

Лицо у Зоценко, когда он читал свои рассказы, становилось печальным. Он сокрушался невежеству, нелепому поведению людей. И описывал все как есть. Надеялся, что все это со временем изживется. Наивно верил, что и он своим творчеством поможет что-то исправить.

Уже в годы перестройки мне удалось побывать во многих странах, и я с изумлением узнала, что за рубежом не только читают Зоценко, но и убеждены, что коммунальная квартира - это его изобретение, а не советской власти.

И сейчас, когда я вижу такие вещи, как, простите, сортир ярко синего цвета, установленный в День пива под вывеской Музея Зоценко, я думаю: Зоценко жив! Разве для туалета не нашлось другого места?!

- Сюжет для Зоценко!

- Вот именно. Я выхожу на лестницу, во двор, на улицу и вспоминаю Зоценко. И чуть ли не на каждом шагу говорю себе: «Зоценко жив!»

Его было трудно накормить

- Вам самой судьбой, самым фактом рождения в семье ученого-пушкиниста Бориса Томашевского было предначертано оказаться среди необыкновенных людей.

- Многих я узнала еще в детстве, когда понятия не имела, кто есть кто. Но я была всего

лишь наблюдателем, свидетелем жизни людей, которые прошли через наш дом. Начиная с Андрея Белого и кончая Иосифом Бродским и Александром Солженицыным. В папином кабинете стояло два кресла. Они и сейчас - ветхие, с ободранной обшивкой - там. В одном кресле сидел папа. А в другом - кто только не сидел! Ахматова, Пастернак, Тынянов...

Зоценко не был таким близким другом родителей, как Ахматова. Если Анна Андреевна к нам приходила, то она жила неделю или две. Родители не были богатыми людьми, но они постоянно заботились об Ахматовой. Беспokoились, чтобы ей было что поесть, что надеть. То же можно сказать и про Зоценко, только в меньшей степени. Зоценко накормить было труднее. Но мой яблочный пирог он любил. И я, когда пекла пирог, обязательно несла ему. А однажды взяла да сказала: «Говорят, что вы ничего не едите, а яблочный пирог съели весь!» - «Дело в том, - при-

нался Михаил Михайлович, - что Верочка (жена, значит) умеет только чай заваривать, да и то только в своей чашке». Он никогда ни на что и ни на кого не жаловался.

Мемориальный подоконник

- Иногда мы встречались на лестнице. Он спускается, я поднимаюсь. Возвращаюсь домой с концерта в Филармонии. Михаил Михайлович любитель был поговорить. Присаживаемся на подоконник (у нас в парадной есть подоконник имени Зоценко!) Если я говорила, что была на концерте Шостаковича, Михаил Михайлович обязательно что-нибудь интересное про Шостаковича расскажет. Например такое: Дмитрий Дмитриевич очень часто звонил ему. Выпалит нервной скороговоркой: «Миша, умоляю тебя, зайди ко мне! Срочно нужно поговорить!» Шостакович был очень нервным человеком. «Ну я и шел к

нему». Шостакович усаживал Зоценко в кресло. Тот сидел молча. А Шостакович начинал бешено ходить из угла в угол. Потом медленнее, медленнее. Потом радостно смеялся, бросался к нему: «Спасибо тебе, дорогой! Так надо было поговорить!»

Я всегда провожала Ахматову. Иногда на лестнице мы встречались с Зоценко. Анна Андреевна в таких случаях говорила: «Мы встретились как тени в «Чистилище» Данте!»

Сживали со свету

- Многие мемуаристы отмечают, что Зоценко был человеком грустным, печальным, замкнутым.

- Еще бы ему не быть печальным! Видеть мир таким, как видел он!.. Зоценко вовсе не считал свои рассказы веселыми. Михаил Михайлович приходил к нам - прочесть новый рассказ. Помню, как читал «Фотокарточку». Ровным-ровным голосом. Мы все умирали от смеха! А у него были совершенно печальные глаза! И только когда закончил, спросил: «Правда смешно?» Он не улыбнулся ни разу! Зоценко верил, что, высмеивая нелепую «социалистическую действительность», он делает доброе дело. Что он воспитывает людей. Если бы издевался, читая, обязательно бы смеялся!

Михаил Михайлович искренне считал себя настоящим советским писателем. Поэтому и обиделся на ждановское постановление 46-го года. А потом вдобавок ко всему их с Ахматовой в Союзе писателей выставили на посмешище перед английскими студентами. Студенты закидывали Зоценко вопросами, а он оправдывался. Спросили, согласен ли он с постановлением, и он доказывал каким-то мальчишкам и девчонкам, что это ошибка. Спорил с ними. Анна Андреевна после скажет: «Мишенька отвечал умненько».

Но больше всего он, наверное, был оскорблен тем, что его назвали трусом. Будучи совсем молодым человеком, в империалистическую войну он получил два или три Георгиевских креста за храбрость. Если вы честный и смелый человек, а вам говорят, что вы - вор, негодный, трус, это пережить трудно всякому человеку. А великому тем более.

Для меня совершенно очевидно, что Зоценко и Шостакович были лучшими из художников: один - в литературе, другой - в музыке. Знаками времени. Но это были люди, проникнувшиеся идеями революции, идеями советской власти. За что их и сживали со свету.

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Кирилла КУДРЯВЦЕВА

Он любил сидеть на этом подоконнике

Брачное агентство
«ФОРТУНА»
Ежедневно с 11 до 20
Кв. 10, ул. 8-я
Музей Михаила Зощенко

Грустная ирония судьбы. Рядом с Музеем Зоценко туалет разместят, а брачное агентство

МИХАИЛА Зоценко, выдающегося писателя, сатирика и юмориста, бытописателя жизни в Советской России 1920 - 1940-х годов, критики часто сравнивали с классиками дореволюционной русской литературы - Салтыковым-Щедринным и Островским, Чеховым и Гоголем. Его произведения были необыкновенно популярны среди читающей публики; книги выходили большими тиражами и расходились моментально. До тех пор, пока 14 августа 1946 года коммунисты не приняли постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В нем говорилось, что «Зоценко изображает советские порядки и советских людей в уродливой, карикатурной форме». Было принято решение «прекратить доступ в журналы произведениям Зоценко, Ахматовой и им подобных». А немного ранее Сталин сравнивал произведения Зоценко с рвотным порошком...

В ЭТИ ДНИ исполняется 110 лет со дня рождения Михаила Зоценко. О выдающемся писателе «Смена» рассказывает Зоя Томашевская, пожалуй, «последняя из могики» знаменитого «писательского» дома на канале Грибоедова, 9, где находится Мемориальный музей-квартира Зоценко. Она лично знала Михаила Михайловича.